
Брожу по улицам центральным –
Без всякой цели, как трепанг.
Куда спешить? Тут всё неправильно:
Аптека, банк. Аптека, банк.

Витрина страховой конторы.
Стекло, простор... и никого.
Спросить (да некогда): который
Сегодня век? Ледник какой?
Кто изменил и кто заставил?
Кто (там-где-надо) умолчал,
Что город выдумал не Абель,
Что не уйти от всех начал?

Что, часть души оставив в теле,
Мы проскочили мимо вех.
Мы разве этого хотели,
Когда свергали тех и тех?

Кто не гордится сменой родин,
Чей вид не очень-то цветущ,
Уже заметил: что-то бродит
В котле раскаявшихся душ.

"Ах, как жаль, что ты не англичанин" –
Лучший от британца комплимент.
Скажет мне – и будет вмиг забанен,
Как болютний ворох белых лент.
Недоволютний, что родился русским,
С горя застрелился юный Крафт,
Злобным русофобом подыграл,
Подружил нас на свою беду с кем.
Мня себя кумиром светских ледь,
Гордо имитирует подросток
Чью-то речь, виталкивая воздух.
Разве он способен повзрослеть?
Если на груди его наколот
Перечень неправильных глаголов.

СРАЗУ ВСЁ

Шмелю в полёте всё едино:
Пыльцой припудренный слежка,
То видит общую картину,
То зев отдельного цветка.

Но сразу всё узреть – куда там!
Отнюдь не каждый эрудит
Сумеет враз представить атом
И вещь, в которой он зашит.

А насекомому – тем паче!
Ему, конечно, всё равно.
Ему плевать – на чьей он даче
И кто принёс сюда бревно;
И кто за ширмою растений
Крадётся весело в очки;
И дела нет до смысла тени
От пионерского сачка.

Вряд ли экономика – наука,
Но её основы надо знать.

Расцветает рынок многооруко,
Береги карман! Рынок – тать!
Он свободен – от надзора сверху,
Он в руках невидимых менял.

– Скажи-ка, прадед, ведь не зря же
Иван Четвёртый так велик?
Все гении чтят его, и даже
Иваном Добрым нарекли.

– О, да!
И чтят его не даром!
Вон, даже дети во дворе
Поют балладу под гитару:
"Девлет Гирей, Иван добрей".

В эпоху ужаса такого,
Когда довел английский стиль,
Он Кудеяра Тишенкова
Зачем-то всё-таки простил.

**Игорь
МАЛЬЦЕВ**

Осенью семнадцатого года

Простил предателя, который
Москву погубил обрёт.
Зато наглядный до сих пор им,
Соседям, милости урок.

А тот предатель был изрядный,
Он до сих пор не превзойдён;
В сравнение с ним бледнеют пятна
Всех перестроечных имён.

Но время лечит даже память.
Тик-так – и вы узнали про
Того, о ком не знал и я ведь.
Взошло всесильное добро!

Уже не сможете забыть вы
Того, что прятали от вас:
Итоги Молодинской битвы;
И что за царь Россию спас.

Внезапно вызванный к доске,
Он, замерев надолго,
Не помнил, кто сражался с кем?
Куда впадает Волга?

Потом, сырём потогровав,
Уехал в Сан-Франциско,
Режим там вроде не кровав,
И можно жить без риска.

Узнал, объездив много стран,
Что под защитой НАТО
Луна впадает в океан,
А больше знать не надо.

Жизнь на фокусы быстра:
Раз – и ветром унесён
Пионерского костра
Октябрьский унисон.

Ходит со шваброй на горе им,
Мочит то там их, то тут.
Белые пятна истории
Сами собой не сойдут.

Три – и снова буржуин
Сбросил маску добряка.
Мы проснулись и шумим,
Как весенняя река.

Кто верил школьной атмосфере
Семидесятых, тот вопитал...
Мол, будь готов, достойн двери,
Чтоб не испортить идеал
Той устаканившейся жизни,
Такой и взрослой, и большой...
Где правый бой, где – изм на –изме
С атеистической душой.
Всё хорошо, всё будет лучше...

Путь осы рывками отработан,
И не плавно отменяли "ять".
Осенью семнадцатого года
Надно Маяковского читать.

Толерантно, Западу в угоду,
В маске либерала ходит тать.
Осенью семнадцатого года
Буду Маяковского читать.

Когда невежда пилит сук,
На оном крепко сидя,
Не хочет он смотреть вокруг:
Богатыри не вы-де.

Отправится скорее
На свет в конце трубы
Счастливым лотерей,
Забыв частицу "бу";

Туда, где мегаполис,
Где чистый изумруд
Гребут, не беспокоясь,
Что всё-таки умрут.

Проскочит, как плотвица,
Мож фартом и турьмой
И еле возвратится
С котомкою домой.

Эпоха Алчности пройдёт.
Люби объявленная зра
Сразит наглядностью примера,
Который явится вот-вот.
Развязанные там и тут,
Магнатам выгодные войны
С позором в прошлое уйдут,
Как все, кто миром недоволенны.

Потом кому-нибудь скажи,
Что были платные кредиты, –
Ответит весело: "Иди ты..."
(А дальше – ласки этики).
Он не воспримет мысли нить,
Что было модно и не стыдно
Деньгами грязными сорить
И врать с вершущек пирамид нам.

Ещё скажи, что ростовщик
Жирел под вивеской банкира, –
В ответ услышишь: "Странник сирий,
Ищи наивного, ищи!".
А если просто намекаешь,
Что люди пели ради денег,
Ответит шуточно на "ложь":
"И где у них крепись ценник?".

Что шоу-бизнес разворачал
Юнцов проектами тщеславья,
Скажи! Добавь: "А что, не прав я?
Через общественный канал!".
Скажи, что не было табу
На некрсивые поступки, –
И для него ты – врэнгель в рубке,
Фантомы выдайши в трубу.

Дорога ледяная,
Но непрерывен шаг.
Conspiracy denier,
Морковку зрит ишак.

Молчит хозяин ловкий,
А ослик весь в пути:
Ему бы за морковкой
Идти, идти, идти.

*Conspiracy denier – тот, кто отрицает
наличие заговоров

КОСТЁР НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА

...Целую очами юдоль мерзлоты,
мой хвойный Потерянный Рай.
Полей да увалов стальные листы,
сугробной печи каравай.
На станциях утлых –
всех баб с черемшой,
с картошкой, спеченной в золе,

**Елена
КРЮКОВА**

На всех сквозняках мировых...

и синий небесный Дацан пребольшой,
каких уже нет на земле.
Сибирская лагода! Пряник-медок!
Гарь карточных злых поездов!
Морозным жарком

ты свернулась у ног,
петроглифом диких котов...
Зверье в тебе всякое... Тянет леса
в медалях серебра – омулей...
И розовой кошки меж кедров – глаза,
и серпики лунных котей!..

Летела, летела и я над Землей,
обхватывал взор горький Шар, –
а ты всё такая ж: рыдаешь смолой
в платок свой – таежный пожар!
Всё те же, Сибирюшка, радость моя:
замок органных кедрок,
стихиры мерзлот, куржака ектенья,
гольцы под Луною – хоть плачь!..
Всё те же столовки –

брусника, блины,
и водки гранёный стакан –
Рыбак – прямо в глотку...
– всё той же страны
морозом да горячю пьян!
Грязь тех поездов.

Чистота тех церквей –
дощаты: полы как яйцо,
все жёлто-медовы.
И то – средь ветвей –
горит ледяное лицо.
Щека – на полнеба.

В полнеба – скула.
Воздёрнутой брови торос...
И синь мощных глаз,
что меня обожгла
до сока пожизненных слез.
Снег плечи целует.

А я – ему в ноги валюсь,
Байкалу: зри, Отче,
окончен мой путь.
И я за тебя помолось.
Кулдук патлы сивые в косу плетёт.
Лечила людей по земле...
Рботала яро!.. – пришёл мой черёд
пропасть в лазуритовой мгле.
И то: лазуритовы серги в ушах –
весь Ад пронесила я их;

испод мой Сибирский Лазурью пропах
на всех сквозняках мировых!
Пургой перевода, костёр разожгу.
Дрожа, сухойстой соберу
на Хамардабанском святю берегу,
на резком бурятском ветру.

И вспомяну, руками вода над костром
и слезы лоя языком,
и красивые роды, и дворничий лом,
и холм под бумажным венком,
и то, как легла уже под товарняк,
а ушлий пацан меня – дёр! –
с креста сызых рельс...
– медный Солнца пятак,
зарплаты горячий восторг,
больничье похлебко, ночлежье камор,
на рынках – круги молока
январские...
– и беспощадный простор,
дырой – от виска до виска!

Сибирь, моя Матьер!
Байкал, мой Отец!

Бродяжка вам ирмос поёт
и плачет, и верит: ещё не конец,
ещё поглажусь в синий лёд!
Поправлю в ушах дорогой лазурит,
тулуп распахну на ветру –
Байкал!.. не костёр в снегу –

сердце горит,
а как догорит – я умру.
Как Анну свою Тимиреву Колчак,
взял, плача, под лёд Ангары, –
возьми ты в город,

Байкал, меня – так! –
в ход Звездной яльцовоой Икры,
и в омуля Ночь, в галактический ход
пылающе-фосфорных Рыб,
в лимон Рождества,

в Ориона полёт,
в Дацан флюоритовых глыб!
Я счастье своё заслужила сполна.
Я горем крестилась навек.

ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ

Во блаженном успении
вечный покой подаждь, Господи...
Кожа иссохнет. И выжлтит кость
Плоть – изнутри.
Мир обозри, о бедняк, нищий гость,
Мир обозри.

Сколько страдаешь тебе претерпеть.
Сколько лубья.
Сколько захочешь ты раз умереть –
Столько – живи.

Будут соборовать – с ложкой златой
Руку – толкни.
Кожа да кости – базарный Святой –
Нас помяни.

Как ты на торжище – князем сидел,
В бочках капуст!
Как дольний мир и бранился и пел
Тысячю уст!
Вкусный, огромный, пахучий, крутой,
Грязный пирог...

Жизнь – лишь вода:
по земле ледяной
Скул Твоих, Бог.

ДАВИД И САУЛ
Ты послушай меня, старик,
в дынном рубище пьяный царь.
Ты послушай мой дикий крик.
Не по нраву – меня ударь.

Вот ты царствовал все века,
ах, на блюде несли сапфир...
Вот – клёшней сведена рука.
И атлас протёрся до дыр.

Прогремела жизнь колесом
колесницы, тачки, возка...
Просверкал рубиновый ком
на запыстье и у виска.
Просвистели выюги ночей,
отзвонили колокола...
Что, мой царь, да с твоих плечей –
жизнь, как мантия, вся – стекла?!..

Вся – истрлела... ветер прожёт...
Да босье пятки царичи...
Вот стакан тебе, вот глоток. Вот –
слеза в морозе ресниц.

Пей ты, царь мой несчащенный, пей!
Водкой – в глотке – жизнь обожгла.
Вот ты – нищий – среди людей.
И до дна согрела, дотла
Шуба царская, та доха,
вся расшитая мизгирём...
Завернись в собачьи меха.
Выпей. Завтра с тобой помрём.

А сегодня напьемся мы,
помянем хоромню хмарь.
Мономахову шапку тьмы
ты напяль по-на брови, царь.

Выйдем в сутолочь из чепка.
Святый Боже, – огни, огни...
Камня стон. Скелета рука.
Царь, зипунчик свой распахни
да навстречу – мордам, мехам,
толстым рывам – в бисере – жир...
Царь, гляди, я песню – продам.
Мой атлас протёрся до дыр.

Царь, гляди, – я шапку кладу,
будто голову, что срубил,
в ноги, в снег!.. – и не грош – звезду
мне швырнёт, кто меня любил.

Буду горло гордое драть.
На морозе – пьянею крик!..
Будут деньги в шапку кидать.
На стопарь soberём, старик.
Эх, не плачь, – стынёт слёз алмаз
на чугуном колотуне!..
Я спою ещё много раз
о твоей короне в огне.

О сверкании царских риз,
о наложниках – без числа...
Ты от ветра, дед, запахнишь.
Жизнь ладьяй в метель упыля.

И кто ниц теперь, кто богат –
все в ушанку мне грош – кидай!..
Пьяный царь мой, Господень сад.
Завьюжённый по горло Рай.

ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

Дмитрию Мельникову
В запретном городе моём,
в оазисе моём –
Аллеи, пальмы, водоём,
Просторный белый дом.
Туда вовеки не войдут
Ни страх, ни суета.
Там жизнь и суд, любовь и труд
Цветут в тени Креста.

Там тысячу горящих уст –
Лилых, огневых –

Сиреневый глаголет куст
О мёртвых и живых.
Там полдень тих, там зной высок,
Там всё Господь хранит –
И прах, и пепел, и песок,
И мрамор, и гранит.

Там миллионы лет закат
Горит во весь свой пыл,
Там голубь осеняет сад
Шестёркой вещей крыл.
Дрожит в тени семи ветвей
Горящая вода,
И в дом без окон и дверей
Вхожу я без труда.

Былых истлевших дней зола
Едва шуриит во мне,
И вырастают два крыла
В груди и на спине.

Там, в одиночестве моём,
Заполненным людьми,
Звучат сияющим ручьём
Слова моего любви.

Там огненно крылат закат,
Оттуда нет пути назад...
Но где они, не знает взгляд,
Не знают ум и кровь –
Запрудный дом, запретный сад,
Запрудная любовь.

ВИШНЁВЫЙ САД
В твоих глазах
цветёт вишнёвый сад.
В моих глазах дотла сгорает небо.
Ассоль, ты помнишь, –

триста лет назад
всё не было на свете так нелепо?
Ещё земля не пухла от могил,
Ещё людей на свете много было,
И ветер цвёл, и камень говорил,
И солнце никогда не заходило.

Ты помнишь,
как спускались к морю мы,
В глазах плясали солнечные блики,
Тогда, ещё до ядерной зимы,
И как сладка тогда была клубника...
Моя Ассоль, корабль не придёт.
Не плачь.

Смотри, не говоря ни слова,
Как надо мною чёрный свет встает
Столбом – от лба до неба молодого.
Смотри: всё небо – в алых парусах.
Они цветут, кровавые, как рана.
А позади – мечты, надежды, страх,
И шум волны,
и пристань Зурбагана...
Ты знаешь, мы насадим новый сад.
В моих глазах ещё осталось место.
Путь расцветёт надеждами наш ад,
В котором я – жених,
а ты – невеста...
Пусть совершится
скромный чумный пир.
Пусть нас обманут глупые надежды.
А завтра Бог создаст нам новый мир,
Но мы в нём будем
теми же, что прежде...
Прости меня. Я выдумал тебя,
И этот мир, и ядерную зиму.
Я мог бы жить, не грезя, не любя,
Но мне творить миры необходимо.

Вишнёвый сад цветёт в твоих глазах.
Мы вырубим его, насадим снова.

АССОЛЬ, ТЫ ЗАБЛУДИЛСЯ В ЧУДЕСАХ

Которые творю я силой слова.
Ты видишь – нет меня,
я – тлен, я – прах,
Я создал мир, я растворён в веках,
Где нет ни будущего, ни былого,
И небо, небо – в алых парусах...

ВЕРЕСК ЦВЕТЁТ

Я увидел во сне поле в синих лучах,
Я увидел:
во мне загорелась свеча,
Я увидел цветы, я увидел восход

Там полдень тих, там зной высок... Андрей КОЗЫРЕВ

Над простором,
где вереск весною цветёт!
Нет, не зря мы старались
сгорали и жгли:
Наши зёрна сквозь время
в простор проросли.
Окупись, словно поле,
в лиловый огонь
И на синее солнце
взгляни сквозь ладонь.
Что случилось?
Куда ты умчалась, тоска?

Всё, как прежде:
эпохи свистят у виска,
Но воскресшие души глядят из цветов
Прямо в сердце моё,
где из пламени – кровь!
Земляничкой покрыт
край молочной реки,
И в цветах открываются чудо-зрачки:
Инфракрасные Божи смотрят глаза
Из цветов – сквозь меня –
сквозь любовь – в небеса!
А давно ли вставал я,
как дым, из земли
И во мне, словно пули,
гудели шмели?

Но Господь, как ладонь,
аромат мне простёр
И цветами озвучил
бессмертный простор.
Это вереск цветёт, это вереск цветёт,
Это хрупкий сквозь землю
пророс небосвод,
Эта нота, которую слышал Господь,
Обрела на мгновение душу и плоть.
Это вереск цветёт! Это вереск цветёт!
Вслед за полем
цветами зарос небосвод, –
Сад на небе,

где радость стала печаль,
Где мой голос воскресший
вживается в даль!
Расцветай, отцветай,
сад на небе моём,
Проплывай, аромат,
в небесах кораблём,
Знай, любовь, –
я с тобой, если небо нас ждёт,
Если вереск в словах
и созвучьях цветёт!

ПУТЬ В ДАМАСК
Мой путь в Дамаск тяжёл и труден.
Дрожит закат над головой,
И залпы тысячи орудий
Слились воедино протажный вой.
Средь плавкой раскалённой сини
В Сирийской выжженной пустыне
Клубится чёрно-буры дым,
И войско тянется под ним.
Меж двух пустынь – песка и неба –
Упрямый путь нам предстоит,
Путь крови, дыма и обид,
И лишь порой, сжигая нервы,
Нам обещания слышны
Иной, невиданной страны.

Бормочут гусеницы танка,
Молотучий выёзят перебранка,
И атомный Коран войны
Мы вместе выучить должны.
Когда смолкают пулемёты,
Нам кажется, почти жива
Под нами чёрная трава,
И нет ни смерти, ни заботы,
Лишь птицы в тишине снуют
И гильзы на земле клюют.

Вой муэдзина, плач ребёнка,
И лай собак, и ляг курков,
Лесок, и дым, и тишина.
Арабский говор, чёрный выхлоп,
Возня, и брань, и ночь без сна.
Шатёр небес дрожит над нами,
Как чёрное живое пламя,
И страшно жить и видеть высь,
В которой наши сны слились,
И кто-то шепчет в небе что-то,
И нам не слится, нет огня,
И Бог дрожит внутри меня,
Но кровь слепая, и капля пота
Течёт по выпуклости лба
И в пыль сползает, как судьба.

Духовный жадюко тимимый,
В пустыне Сирии моей
Я шёл в Дамаск, судьбой гонимый.
Я шёл, как смерч, – путём смертей.
Мне грудь пронзил мечом железным
Мой чёрно-жёлтый серафим,
И уголь, опаляющий бездной,
Водвинул выстрелом одним.
Я плакал кровью, бился в муке,
Учась язвительной науке
Неразличенья зла с добром,
И слышал хохот... или гром.
Смеялся ангел. Бог молчал.
Как труп в пустыне я лежал.

Восстань, пророк,
и виждь, и вмели,
Исполнись волею войны,
Глаголом жги края и земли,
Которым взрывы не слышны!
От ран разверстого Востока
Смотри на круг земной стокою,
Учи войне, той тишине,
Что взрыва тягостней вдвойне.
Нам мирный слог неинтересен.
Своих сынов испелеля,
Испелеленная земля
Испелеленная ждёт песен!
Пришла под наши небеса,
В наш мир – смертельная краса!